

8	17	0,3	AOA, ABP, CAC, CPE, DOS, DV
9	20	0,4	ATS, AMC, ABS, coll., CRC, DJ, d.p.
10	21	0,4	ARC, AMA, AFA, c.f., col., DMS, dr.
11	15	0,3	AV, acc., CIS, CMC, cont., DB, DH, DI
12	12	0,2	ABA, AAS, AIA, CEC, CU, dep.
13	4	0,08	AO, CCC, CTC, d
14	11	0,2	APA, APC, CMA, CN, com., DE
15	11	0,2	ACE, AAA, AMS, CAT, CW, DL, DO
16	8	0,15	AOC, AF, CH, cons., CPA, DT
17	6	0,12	APA, cl., CL, DD, DM, DR
18	5	0,1	AB, ACS CV, ch, DP
19	6	0,12	AT, AD, ABC, CT, def., DS
20	2	0,04	AE, CF
21	1	0,02	D.
23	3	0,06	AS, CO, DA
24	2	0,04	AM, CB
25	1	0,02	D
28	3	0,06	AR, CI, CD
29	2	0,04	AP, DC
30	1	0,02	CM
31	1	0,02	C
32	1	0,02	CE
33	2	0,04	AA, CR
40	2	0,04	AC, CS
42	1	0,02	c.
50	1	0,02	CC
51	2	0,04	CA, CP

Таким образом, можно утверждать, что омонимичные аббревиатуры блоков «А», «С» и «D», имеющие два и более значений получили наибольшее распространение и составляют 1/5 часть (0,2 %) всего исследуемого материала словаря «The Oxford Dictionary of Abbreviations».

По рангу семантического объема максимальное количество значений – 51 имеют 2 аббревиатуры – CA, CP; 50 значений – 1 аббревиатура – CC; 42 – с.; 40 – AC, CS.

4/5 части всего исследуемого материала составляют аббревиатуры, имеющие одно значение, что доказывает изначальное назначение аббревиации – экономия речевых и графических усилий, при максимальной информационной ёмкости и одно-однозначному соответствию между знаком и референтом, что обеспечивает полное понимание сторон в акте коммуникации.

Источники и литература

1. The Oxford Dictionary of Abbreviations. – Oxford University Press, 1998.
2. Могилевский Р.И. Аббревиация как лингвистическое явление., Автореф. канд. дисс.. – Т: АН Грузинской ССР Институт языкознания, 1966. – С.28.
3. Могилевский Р.И. Очерки аббревиации славянских языков., Автореф. докт. дисс.. – М.: МГУ, 1988. – С.9–31.
4. Arnold I.V. The English Word. – М.: Высшая школа, 1986. – Р. 38–103.
5. Дубенец Э.М. Modern English Lexicology. – М.: Глосса-пресс, 2002. – Р. 52–70, 126–130.
6. Орлова С.В. Об омонимии слова. – Тула.: Тульский гос. ун-т, 2001. – С. 78.
7. Малаховский Л.В. Словарь омонимов. –М., 1995. (9000 единиц).
8. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. – М., 2003, – С. 52-68.
9. Жукова Л.К., Котов Б.Н. Некоторые аспекты акронимов в компьютерной терминологии. – Культура народов причерноморья., № 76, 2005. – С. 42–46.

Жукова Л.К., Гнатив И.Я.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС НОМИНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В результате роста научно-технических знаний в современном мире свыше 90% новых слов, появляющихся в языках, составляют специальные слова. Потребность в новых терминах значительно выше, чем в общеупотребительных словах. Рост числа терминов некоторых наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и в некоторых науках число терминов превышает число неспециальных слов. Бурное образование новых дисциплин (в среднем каждые 25 лет число их удваивается) влечет за собой их потребность в собственной терминологии [1, с. 230]. В условиях “терминологического взрыва” перед специалистами встает серьезная проблема упорядочения и анализа всего массива терминологии.

Подобная ситуация сложилась в финансово-инвестиционной терминологии. Изначально она развивалась в соответствии с потребностями экономических агентов стран с развитыми экономиками. А начиная с 50-х гг. XX в., она получила столь значительное распространение среди экономистов, что обычно говорят о её революционном развитии [2, с. 7]. На месте отдельных изолированных региональных финансовых рынков возник единый международный финансовый рынок, оперирующий терминологией на английском языке.

С ростом числа терминов в английской системе номинации всё большую «популярность приобретают» *аналитические* формы обозначения новых понятий. К таковым относятся многочленные комплексы типа $N_1 + \dots + N_n$. Двучленные комплексы подобного рода определяют как биномы, а трех и более – полиномы [3, с. 36]. Вполне естественно, что популярность вышеупомянутых номинальных конструкций не могла не коснуться терминологии финансово-инвестиционного «мира», расширяющегося и глобализирующегося буквально с каждым годом. Этот «мир» оперирует в большинстве своем абстрактными, виртуальными понятиями. И логично, что при номинации этих понятий используются наиболее лаконичные способы, к таковым, несомненно, в первую очередь относится процесс семантической деривации, результатом которой, как известно, является полисемия.

Одно из обязательных требований к термину является однозначность, но несмотря на это, многозначность в специальной терминологии распространена весьма широко.

Многозначность может быть двоякого рода.

В одних случаях, производное, терминологическое значение образуется от общеупотребительного значения. В других случаях семантическая деривация имеет место внутри самой специальной терминологии, что и приводит к полисемии терминов. Причем, одной и той же терминсистемы, либо другой. Процесс семантической деривации, как известно еще из работ М. Брэаля, не хаотичен, а основан на определенных механизмах. Важнейшим из них является метафорический перенос. Метафоры значительно стимулируют развитие семантической системы языка и системы его номинативных средств. Ортега-и-Гассет полагал, что метафора – это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции [4, с. 72].

Попытаемся выявить синтез формы (номинальные конструкции) и содержания (метафорический перенос).

Большинство людей полагают, что метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее к выразительным средствам языка, а не к сфере повседневного обыденного общения, и уж тем более не к сфере бизнеса. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка – то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения следует считать, что метафора пронизывает все сферы нашей жизни и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии [5, с. 387].

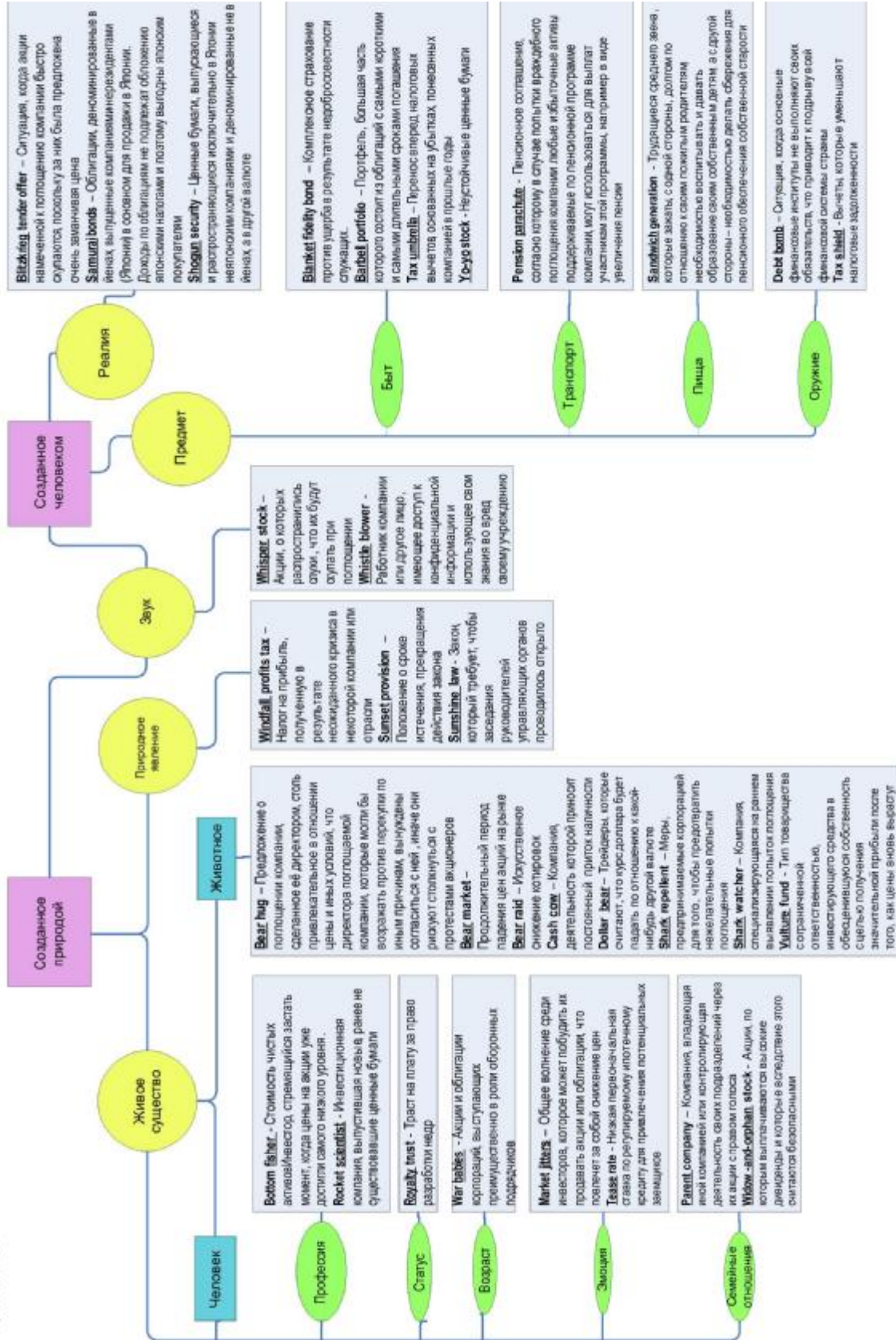
Метафоры играют важную роль в процессе научных открытий. Широко известен пример ученого Кекуле, которому метафорический образ змеи, кусающей свой хвост, помог выявить формулу бензола. И похожих примеров есть великое множество, но они незафиксированы вследствие того, что ученые в основном говорят о результатах исследований, а не о процессах, которые к ним привели. Ещё один любопытный пример – теория эволюции путем естественного отбора. Исследователи биографии Ч. Дарвина полагают, что на создание этой теории его вдохновила теория известного экономиста Адама Смита. А. Смит предложил следующую модель обеспечения наилучшего экономического развития общества: просто разрешить всем эгоистично думать только о своих личных интересах. Дарвин принял модель А. Смита и адаптировал её для биологического мира. В этом случае можно даже заметить изящную иронию, которая заключается в том, что модель А. Смита далеко не идеально подходит для экономического мира, в то время как метафорический перенос Дарвином этой модели для описания эволюции биологического мира практически идеален. Это ещё один интересный факт. Метафоры – это выражения, которые перенесены «в новый дом», в котором они иногда удачнее смотрятся, нежели в «старом».

Интерпретация сущности механизма научной метафоры заключается в представлении его как процесса идеализации, абстрагирования и *моделирования реальности*, когда в качестве мыслительного образа используется любой уже знакомый объект, который понимается как элемент одной из сущностных парадигм бытия. Очевидно, что данное представление обосновано в первую очередь характером научного мышления, о котором Т.А. Подколзина пишет: «В научном познании огромную роль играет *ассоциативное мышление*, одним из проявлений которого является способность к метафорическим переносам, что мы и заметили на примере Дарвина-Смита. Метафора как способ терминообразования основывается на аналогичной функции термина как производной от материала различных терминсистем» [6, с. 32]. И именно поэтому язык, используемый финансовыми аналитиками и журналистами в статьях, и даже официальных отчетах и в исчерпывающих анализах, и особенно в их повседневном профессиональном общении, переполнен примерами использования метафор.

В финансовых новостях и научных статьях финансовой тематики зачастую встречаются слова и выражения, значения которых с трудом можно найти или определить в финансовых словарях или специальных энциклопедиях.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС НОМИНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Приложение 1

Использование метафор может быть мотивировано различными причинами.

Следуя А. Салвею, можно выявить следующие причины их использования:

- влиятельное лицо (председатель банка, например) имеет доступ к важным данным, таким как цены и прибыль, которые находятся временно под запретом разглашения, и это лицо должно иносказательно прокомментировать эти данные во время периода запрета
- влиятельное лицо хочет мотивировать другие лица следовать за ним, не пытаясь выглядеть назидательно или формально: во время послеобеденных речей, ежегодных торжественных лекциях и т.д.
- использование образных механизмов для придания смысла личному опыту
- политтехнологи могут использовать «хитросплетенные орнаменты» для придания блеска возникающим финансовым бедствиям, для преувеличения значения или для выражения неодобрения финансовых историй
- журналисты выискивают новые оригинальные способы подачи материала в финансовых новостях для привлечения внимания читателей и для объяснения событий в финансовом мире [7, с. 4].

В дополнение к вышеуказанным причинам образования метафор, М. Блэк считает, что метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований (или по крайней мере удовлетворяет потребность в подходящем сокращенном названии). Рассмотренная с этой точки зрения, метафора является разновидностью катахрезы, под которой он понимает использование слова в некотором новом смысле с целью заполнить брешь в словаре [8, с. 157].

Специалисты справедливо сетуют на то, что до сих пор "ни одна теория метафорического значения не в состоянии объяснить, как функционирует метафора", что "ни одна из современных лингвистических теорий не может объяснить феномен метафоры", что "метафора продолжает оставаться нерешенной проблемой семантики", но мы все же попробуем проанализировать способы и причины формирования метафор.

Дж. Лакофф в 1979 году издал свою фундаментальную книгу «Метафоры, которыми мы живем», на которую мы ссылались выше. И через 27 лет (2006 г.), после изобретения учеными нейронной теории, он применил её для объяснения феномена метафоры. И хотя фундаментальные понятия остались теми же, развитие науки о функционировании мозга и о нейронных связях значительно расширили наше понимание того, как метафора функционирует. Дж. Лакофф говорит о том, что любое действие, которое производит наш организм, контролируется мозгом. Мы думаем с помощью мозга – у нас нет выбора. Мысль физическая, и все идеи и концепции, которые образуют мысли, физически создаются «конструкциями» мозга. Причиной этого является активация определенных нейронных групп в мозге до активации других нейронных групп [9, с. 3].

Метафора производна от разных видов *идеального* – эмоций, экстралингвистических знаний, житейского опыта носителей языка, иногда случайных впечатлений и ассоциаций, наблюдений, оценки, в целом – из всего тезауруса личности. Конечным итогом процесса метафоризации являются категории языковой семантики. Таким образом, метафора обнажает процесс переработки в языковое значение различных субпродуктов идеальной деятельности человека (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной, когнитивной). Изучение метафоры позволяет увидеть то «сырье», из которого делается значение слова. Метафора – это стадия переработки «сырья», этап на пути от представлений, знаний, оценок и эмоций к языковому значению.

Наша выборка биномов и полиномов из Финансово-Инвестиционного словаря Доунса [10] показывает разное соотношение биномов и полиномов, созданных на основе метафорического переноса:

Номинальные конструкции	Общее кол-во	Кол-во с метафорическим переносом	Процентный состав конструкций с метафорическим переносом по отношению к общему кол-ву
Биномы	248	30	12%
Полиномы	74	3	4%

Выше указан объем номинальных конструкций с метафорическим переносом, с которыми мы и будем работать

Ниже приводится иерархически организованный список таксономических классов вышеуказанных биномиальных и полиномиальных конструкций, послуживших источником семантической деривации на основе метафорического переноса.

При рассмотрении этого «сырья» важным является положение о том, что при деривации метафорически мотивированного значения обязательно *изменение таксономического класса* одного из участников [11, с. 5].

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС НОМИНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В таблице наглядно видны позиции членов номинальных конструкций с метафорическим переносом. А именно:

Номинальные конструкции	Метафорический перенос	
	в первом члене N1	в последнем члене *Nx
Биномы	20 e.g. 1. Samurai bonds 2. Sandwich generation	10 e.g. 1. Debt bomb 2. Pension parachute
Полиномы	3 e.g. 1. Windfall profits tax 2. Blitzkrieg tender offer	-

В таблице выше определенно прослеживается тенденция к частотности встречаемости метафорического переноса именно в первом члене номинальной конструкции (N1), что доказывает факт максимальной значимости и семантической нагрузки последнего элемента номинальных конструкций в финансово-инвестиционной терминологии:

№	N1	N2	*Nx	Значение
1	vulture		fund	Фонд, который вкладывает деньги в не пользующуюся спросом недвижимость в надежде на повышение спроса после реконструкции.
	стервятник		фонд	
2	whisper		stock	Акции, о которых распространились слухи, что их будут скупать при поглощении.
	шепот		акции	
3	sunshine		law	Закон, который требует, чтобы заседания руководителей управляющих органов проводилось открыто.
	солнечный свет		закон	
4	windfall	profits	tax	Налог на прибыль, полученную в результате неожиданного кризиса в некоторой компании или отрасли.
	бурелом	прибыль	налог	
5	Blitzkrieg	tender	offer	Ситуация, когда акции намеченной к поглощению компании быстро скупаются, поскольку за них была предложена очень заманчивая цена.
	молниеносная война (нем.)	тендер	предложение	

*Nx – последний элемент конструкций (биномиальных и полиномиальных), несущий максимальную семантическую нагрузку.

Основываясь на данных диаграммы, с уверенностью можем сказать, что метафора начинается с операции с понятиями, противными логическому мышлению, и приходит к подчинению смысла законам логики. Умственное усилие по созданию и пониманию метафоры состоит в преодолении несовместимости значений, но в восстановлении смысловой гармонии, в проникновении в тайны сущностной парадигматики и ее *выявление*.

Метафора помогает обнаружить природу непредметных сущностей [12, 338], а финансовый мир сам по себе непредметен, виртуален, абстрактен.

Р. Хофман – автор ряда исследований о метафоре – писал: «Метафора исключительно практична. Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере... Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний языка» [12, 6].

Совершенно определенно, что именно поэтому метафоричные термины так органично вписываются и в финансовый мир.

Вполне логично привести цитату-метафору В. Квейна «Язык можно представить в образе корабля, находящегося в море и нуждающегося в ремонте, но который нельзя покинуть и поэтому перестраивать его возможно, только используя имеющийся материал – доску за доской». Метафора – одно из средств подновения непрерывно действующего языка за счет языкового же материала. Метафора необходима языку-кораблю, плывущему под национальным флагом через века и социальные катаклизмы при сменяющейся вахте поколений [13, с. 198].

Метафора определенно позволяет свести все многообразие мира к единообразным парадигмам, в некоторые из которых включена финансово-инвестиционная терминология.

Источники и литература

1. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 560 с.
2. Евсеенко О.С. Инвестиции в вопросах и ответах. – М.: Проспект, 2005. – 256 с.
3. Жукова Л.К. Полином как единица вокабуляра// Культура Народов Причерноморья. – №55. – Т 1. – Ноябрь 2004. – С. 36–46.
4. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры / Теория метафоры. – М., 1990. –С. 72.
5. Lakoff G., and Johnson M. Metaphors We Live By. – University of Chicago Press, Chicago, USA, 1980. – 256 p.

6. Подколзина Т.А. Метафора и парадокс в английской терминологии. Дисс. ...канд.филол. наук. М., 1994.
7. Salway A., Ahmad K.. The Role of Metaphors in Financial Texts. – University of Surrey, Guildford, Surrey, UK, 1997. – 12 p.
8. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153–172.
9. Lakoff G. The Neural theory of Metaphor. – University of California at Berkley, USA, 2006 // http://icbs.berkeley.edu/natural_theory_lt.php.
10. Доунс Дж., Гудман Дж. Финансово-инвестиционный словарь. – М.: Инфра-М., 1997. – 586 с.
11. Розина Р.И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации. // Вопросы языкознания. – №2. – Март – апрель. – М.: Наука, 2002. – С. 3–15
12. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., том 37, №4, 1978. – С. 333-343.
13. Quine W. Word and Object. – Cambridge: MIT press, 1964. – 309 p.

Дьякова Н.А., Занкевич А.С.

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема эволюции перфектных форм в английском языке стоит бок о бок с извечной дискуссией лингвистов «является ли английский перфект формой времени или вида и как следует интерпретировать выражаемую им «связь с настоящим» [1, с.103]. Существующее в современной науке расхождение мнений по данной проблеме, а также накопление новых фактов и новые подходы и методы анализа предопределяют постоянную необходимость и возможность дальнейших исследований, что и определяет актуальность данного исследования.

В современной лингвистике под перфектом понимается глагольная форма, обозначающая предшествующее действие, тем или иным образом релевантное для настоящего. Грамматическая категория перфекта в том или ином ее проявлении свойственна всем романским и германским языкам. Модели построения аналитической формы перфекта в этих языках также аналогичны: вспомогательный глагол иметь/быть + причастие прошедшего времени основного глагола. Как известно, перфект относится к аналитическим формам глагола, которые являются одной из характерных черт современного английского языка. В связи с той важной ролью, которая приходится на долю глагола в оформлении предложения, изучение развития и употребления видовременных форм имеет непосредственное значение, как для теории синтаксиса предложения, так и для практики преподавания английского языка.

Цель работы – определить особенности становления перфекта как аналитической формы глагола методом анализа и сравнения работ известных лингвистов, их точек зрения на проблему, уделив особое внимание фактическому материалу различных исторических этапов и особенностям развития перфекта в английском языке.

Как известно, в древнеанглийском языке категория времени выражалась двумя грамматическими значениями – настоящим и прошедшим. Глагол еще не обладает необходимыми грамматическими средствами формирования перфектных форм. Перфектное действие выражается по большей части формами претерита: *Ohthere saede his hlaforde, AElfrede cyninge, paet he ealra Norpmona norpmest bude* [Orosius] – *Ohthere said to his lord king Alfred that he of all Scandinavians had lived to the North*. Но уже в этот период существует ряд средств передачи видового значения: сложные сказуемые, состоящие из сочетания глаголов *habban* (NE to have) и *beon* (NE to be) с формами причастий настоящего и прошедшего времени. Развитие аналитических форм шло по линии ослабления лексического значения глаголов *beon* и *habban*, их грамматикализация, т.е. превращение в показатели грамматического значения определенной категории. В древнеанглийском языке глагол *beon* сочетался с формой причастия II непереходных глаголов для выражения состояния в настоящем времени, например: *ic eom cumen* – I have come, т.е. I am in the state of coming.

Другим источником перфекта было использование глагола *habban* в качестве сказуемого с дополнением, имевшем при себе определение, выраженное причастием прошедшего времени переходного глагола, например: *Hie habbar me to hearran gesorene* – They have chosen me a ruler (they have me chosen a ruler). Формы типа *habbar gesorene* (have chosen) и есть та конструкция, из которой развивалась форма перфекта в том виде, в каком она существует в современном английском языке. Согласно В.Д. Аракину [2, с. 97], кроме перфекта в древнеанглийский период зародилась также форма плюсквамперфекта, например: *Sippan ic hie pa geliornod haefde, swae swae ic hie forstod ic hie on Englisc awende* [AElfric] – *When I had them learned, I translated them into English as I understood them*. Таким образом, в конце древнеанглийского периода уже начала зарождаться аналитическая форма перфекта. В это время параллельно существовали две конструкции, которые могли передавать значение завершенности действия к определенному моменту в настоящем или прошлом, т.е. значение, характерное для современного английского перфекта. Но наряду со значением завершенности, они передают и значение состояния, что связано с относительной независимостью причастия в составе соответствующих синтаксических сочетаний. Ни одна из описываемых конструкций не может рассматриваться в это время как аналитическая форма глагола, так как они недостаточно грамматикализованы и не унифицированы ни в отношении формы, ни в отношении содержания. К концу древнеанглийского периода наблюдается расширение сочетаемости глагола *habban* с причастием как от переходных, так и от